

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ДЕЛИБЕРАТИВА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Г. А. Некрасова

*Институт языка, литературы и истории Коми
Уральское отделение РАН*

Поступила в редакцию 21 декабря 2011 г.

Аннотация: в статье описан инвентарь средств выражения делибератива, определены тенденции их развития в генетически связанных языках.**Ключевые слова:** пермские языки, падеж, аккузатив, элатив, послелог, семантическая роль, делибератив.**Abstract:** the article presents a stock of means of expressing deliberative, defines trends of their development in genetically relative languages.**Key words:** permian languages, case, accusative, elative, postposition, semantic function, deliberative.

Делибератив является участником типовой ситуации речевой деятельности или ментального состояния/процесса, которую репрезентируют конструкции с предикатами речи, мысли, чувства. М. В. Всеволодова отмечает, что «делибератив в принципе всегда (пусть имплицитно) указывает на некоторую ситуацию, положение дел, и поэтому формирует полипропозитивную ситуацию» [1, с. 145]. Следовательно, ядерным средством представления делиберативной ситуации следует считать сложное предложение, тогда как конструкции, в которых позиция делиберативного объекта занята падежной словоформой или послеложной конструкцией, представляют собой результат свертывания пропозиции и могут быть развернуты в отдельное предложение. Для типологических исследований более важным является выявление морфологических средств выражения семантических ролей, что позволит очертить пространство возможностей, используемое языком при маркировании тех или иных ролей.

В пермских языках формальный инвентарь выражения делиберативных отношений включает послеложные и падежные единицы, при этом в каждом из языков доминируют послелог как основное и наиболее стандартное средство. Несмотря на то, что пермские языки являются близкородственными, отмечается сходство семантики и экспонентов большинства падежных и послеложных единиц [2, с. 52; 3, с. 141; 4, с. 117–118; 5], основные маркеры делибератива в языках различны. Между тем в каждом из языков они восходят к элативной словоформе: в коми-зырянском и коми-пермяцком языках основным средством является послелог кз. *йылысь*, кп. *йылысь* «о» (1)–(2), восходящий к элативной форме слова *йыв* «верхушка» [5, с. 35], в удмуртском языке – послелог

сярысь «о» (3), этимология и исходная семантика которого остаются невыясненными. Однако сегмент *-ысь* явно указывает на элативную форму слова *сяр*, которое, возможно, участвовало также в образовании послелога *сьёрти* [6, с. 271].

(1) кз. *Удж йылысь сёрнитам*. «О работе [мы] разговариваем».

(2) кп. *Удж йылысь баутамö*. «О работе [мы] разговариваем».

(3) удм. *Адямилэн урод лэсьтэмез сярысь эн вераськы, ас кырыжед сярысь малпа*. «Не говори о чужом плохом поступке, подумай о своих недостатках» [7, с. 130].

Общепермским маркером делибератива является послелог с основой *пон-/ном-*, образованный от общепермского **роп* «вещь, причина, основание» [6, с. 224]. В коми-язьвинском наречии и в ижемском диалекте этот послелог выступает в качестве основного маркера (4)–(5), употребляется при глаголах речи, мысли и чувства, тогда как в остальных коми-диалектах он засвидетельствован при глаголах мысли и чувства или только при глаголах чувства (6). В большинстве коми-диалектов послелог с основой *пон-/ном-* является средством выражения каузально-финальных отношений [5, с. 182–185], в чем проявляется его семантическая связь с производящей основой. В современном удмуртском языке послелог *понна* варьирует с послелогом *сярысь* только при глаголах чувства (7) [8, с. 80], тогда как еще в начале XX в. он был засвидетельствован и при глаголах речи (8). В абсолютном большинстве диалектов пермских языков послелог с основой *пон-* сокращает дистрибутивную нагрузку в делиберативной функции, постепенно уступая место послелогам кз. *йылысь*, удм. *сярысь*.

(4) кя. *Ош понда мэ вис'тас'нө понда*. «Я буду рассказывать о медведе» [9, с. 166].

(5) иж. *Н'ар гус'ас'эм помлас' вис'тала*. «Расскажу о краже замши» [10, с. 109].

(6) уд. *Ин тёлкуйтчы та пондас'*. «Не стоит об этом думать» [11, с. 92].

(7) удм. *Мумытэк но бубытэк кылем пичи Соня понна пересь анай туж трос сюлмаське*. «О маленькой Соне, оставшейся без матери и отца, бабушка заботится очень много» [8, с. 80].

(8) удм. *Soos veras'ko as'sä-ponna*. «Sie sprechen dort miteinander von sich selbst (über eigene Sachen, Angelenheiten)» [12, с. 240].

В вымском диалекте коми-языка в делиберативной функции употребляется *послелог съёрти/сьёрти* (9), происхождение которого довольно прозрачно: он представляет собой грамматикализированную пролативную форму слова со значением «место за чем-л., задняя часть объекта» [5, с. 105; 6, с. 270] (существует и другая этимология [6, с. 251, 271]). Семантическая деривация послелога в диалектах протекала неравномерно. Общекоми являются сравнительное и каузативное значения, причем в большинстве коми-зырянских диалектов рассматриваемый послелог употребляется при указании на предмет, ставший основанием, непосредственной причиной чего-л. («по поводу») (10)–(11), тогда как в отдельных северо-западных (вымском, ижемском и удорском) диалектах – также при выражении косвенной, опосредованной причины («из-за») и цели («ради», «для») (12)–(13).

(9) вым. (К.) *Тэ с'ёрти тай пыр на с'орн'итим*. «О тебе вот все еще говорили» [13, с. 157].

(10) вв. скр. сс. *серти*, вс. вым. (Он.) л. (Об.) лет. уд. (Гл.) *сьёрти*, вым. иж. *сьёрти*, л. (Об.) *сьёрки*, л. (Пор.) нв. уд. *сьёртьти* «против, по сравнению с, согласно чему-л., по» [14, с. 333].

(11) *Та серти позьё шуны*. «По этому поводу можно сказать».

(12) вым. иж. *сьёрти*, уд. (Гл.) *сьёрти* «из-за, за; ради, для» [14, с. 67].

(13) вым. (Онеж.) *Тайа тэ с'ёрт'и лои*. «Это случилось из-за тебя» [13, с. 157].

Кроме послеложных единиц, в маркировании делибератива в пермских языках участвуют падежные единицы – аккузатив и элатив.

Участие *аккузатива* в маркировании делиберативных отношений засвидетельствовано в каждом из пермских языков (14)–(16). В большинстве коми и удмуртских диалектов отмечается сужение возможностей лексического наполнения аккузативного делибератива. Аккузатив принимают преимущественно местоимения, отвлеченные существительные, что ведет к сокращению его функционирования, однако в северно-удмуртских диалектах, судя по корпусу опубликованных текстов [15], еще не наблюдается отчетливое преобладание того или иного маркера.

При маркировании делибератива аккузатив варьирует с основным маркером, при этом выбор говорящим того или иного средства ничем не мотивирован. Отмечается возможность введения при одном и том же предикате разнооформленных делиберативов: аккузативом маркируется выступающий в функции обобщающего слова делибератив, выраженный преимущественно местоимением, послелогом – делибератив в функции уточнительно-пояснительного слова (17)–(18).

(14) вв. *Ми извэшишэн'н'эсэ Л'эна чойкэд мамэли эг вис'талэй кык тёлис'*. «Об извещении мы с сестрой Леной два месяца не говорили матери».

(15) кп. *Тайё вис'тали мамлё*. «Об этом сказал матери».

(16) сч. *кал' тин' кудзэ вэрас'ким ук, тин' со, дан'ил, вэрас тайё*. «[Человек], о котором только что говорили, вот этот Данил рассказал об этом» [15, с. 201].

(17) кз. Кузь туяд *быдторсё* сёрнитисны, тшётш и *Жеб-Ёль йылысь* [16, с. 54]. «Во время долгого пути [они] говорили обо всем, и о Жеб-Ёле тоже».

(18) нв. *Мёйсё сёмын иг с'орн'итё, ч'эл'ад' йи-лыс', уджэ йилыс', горт йилыс'*. «О чем только [мы] не разговаривали: и о детях, и о работе, и о доме».

Письменные памятники XIX в. свидетельствуют о более широком функционировании аккузатива в непацентивных функциях, особенно в удмуртском языке, а также о наличии биаккузативных конструкций, в которых аккузативом маркировались прямой (*выжы-кыл* «сказку») и делиберативный объекты (*кечен но кiónэнэз* «о козе и волке») (19). Наличие двух разных аккузативов при глаголах речи позволяет предположить, что формой управления этих глаголов в пермских языках, являлся аккузатив, обозначавший объекты, не дифференцированные по степени охваченности глагольным действием или близости к субъекту.

(19) удм. *Пересь-анай выжы-кыл вэраз кечен но кiónэнэз*. «Бабушка рассказала сказку о козе и волке» [17, с. 47].

В окраинных коми-зырянских диалектах – в удорском и лузско-летском – в оформлении делибератива участвует *элатив* (20)–(21). В отличие от аккузативного, элативный делибератив имеют только глаголы речи; в типовых ситуациях, сформированных предикатами мысли и чувства, он не употребляется.

(20) уд. *Мый вэрман шуны Ван'аыс'?* «Что можешь сказать про Ваню?».

(21) лл. *Кёйинс'ыс вис'талас сийа, кёйинс'ыд уна вис'талас*. «Про волков он расскажет, про волков много расскажет» [18, с. 47].

Рассмотрение средств выражения делибератива в современных пермских языках показало наличие

между ними определенных различий. Обращает на себя внимание ареал распространения языковых единиц. Изоглосса аккузатива проходит через пространства распространения всех пермских языков, связывая их диалекты. Почти аналогична изоглосса послелого с основой *пон-/пом-*, только делиберативные отношения он последовательно проявляет в окраинных коми-диалектах – в коми-язвинском наречии и ижемском диалекте. Остальные средства очерчивают островные ареалы различной величины: изоглосса послелого *йылысь* приходится на территорию распространения коми-пермяцких и коми-зырянских диалектов, прерывистую конфигурацию на территории коми-языка образует изоглосса элатива, связывая северо-западный удорский диалект с южным лузско-летским диалектом. Послелог *сярысь* охватывает только удмуртские диалекты, послелог *сьёрти/сьёрти* – вымский диалект коми-языка. В каждом из языков/диалектов имеется по меньшей мере два маркера делибератива, при этом один из них выступает в качестве основного, другой – в качестве периферийного средства. В коми-литературных языках при глаголах речи вводится аккузатив и послелог *йылысь/йылысь*, в удмуртском – аккузатив и послелог *сярысь*, при этом в каждом из языков основным выступает послелог. В диалектах в варьирование могут быть вовлечены более двух маркеров. Так, например, в ижемском диалекте используются послелог *помлась*, *йылысь* и аккузатив, в удорском диалекте – послелог *йылысь*, элатив и аккузатив.

Представляется, что наличие дублетных средств маркирования делибератива является наследием прапермского языка. К этому времени следует отнести аккузатив, элатив и послелог с основой *пон-/пом-*. Наиболее древним являлся скорее всего аккузатив, он реконструируется в финно-угорском праязыке. Другие языковые единицы имеют более позднее происхождение: развитие элатива и послелогов относится к прапермскому периоду [19; 20, с. 241–242; 21, с. 146, 147, 197]. В связи с этим обращает на себя внимание факт маркирования делиберативных отношений аккузативом в марийском языке [22, с. 87], ведь именно в этом финно-угорском языке лучше всего сохранилась реконструируемая праязыковая форма аккузатива [20, с. 241–242]. Вряд ли можно безоговорочно экстраполировать аккузативное маркирование делиберативных отношений на прафинно-угорское языковое состояние, хотя материал неродственных и типологически разных языков косвенно свидетельствует о такой возможности. Так, в истории русского языка одним из маркеров делибератива выступал беспредложный винительный. Отмечается, что аккузатив темы наблюдался в древних индоевропейских языках [23, с. 160–162].

Несмотря на то что элатив в маркировании делибератива засвидетельствован только в отдельных коми-зырянских диалектах, его отнесение к прапермскому периоду мотивируется тем, что стандартные средства выражения делибератива в каждом из пермских языков диахронически представляют собой элативные формы имени. Послелог *йылысь* функционирует во всех пермских языках, однако его семантическое развитие в удмуртском не прослеживается, он реализует только пространственные отношения, указывая на исходный пункт направленности движения [5, с. 37, 41]. Семантические расхождения послелого в коми- и удмуртском языках позволяют предположить, что развитие непространственных значений послелого протекало в период самостоятельного развития коми-языка. Послелог постепенно разгрузили семантически полифункциональный элатив. Возможно, что ко времени обособления пермских языков элатив сохранял делиберативное употребление в пракоми-диалектах. Дальнейшему его функционированию в окраинных диалектах способствовали контакты с отдельными прибалтийско-финскими языками, где элатив остается основным маркером делибератива. В связи с этим следует отметить, что контактно-конвергентное развитие прибалтийско-финских и коми-языков не раз было предметом обсуждения в финно-угроведении. Последствиями этих контактов явились лексические заимствования, а также некоторые грамматические черты, придающие коми-языку определенное своеобразие на фоне удмуртского, к которым можно отнести и функционально-семантические сходства падежей коми- и прибалтийско-финских языков [24; 25, с. 73, 103]. Заметим, что делибератив вводится элативной единицей и в некоторых других финно-угорских языках, например, в венгерском языке – делативом, в хантыйском – послелогом *эты* с исходной элативной функцией. Материал марийского, угорских, пермских и прибалтийско-финских языков дает основание полагать, что для финно-угорских языков аккузатив и элатив – типичные средства выражения делиберативных отношений.

Что касается послелого с основой *пон-*, то материал современных пермских языков позволяет предположить, что он скорее всего выступал как альтернативный маркер делибератива уже в прапермский период, но в период самостоятельного развития языков постепенно оттеснялся более сильным по степени употребительности функционально-семантическим конкурентом: в удмуртском – послелогом *сярысь*, в коми-зырянском и коми-пермяцком – послелогом кз. *йылысь*, кп. *йылысь*.

Таким образом, в системе современных пермских языков наблюдается смена средств выражения делиберативных отношений: более ранние средства – аккузатив, элатив и послелог с основой *пон-/пом-* – от-

тесняются более поздними конкурирующими единицами – послелогоми, образованными на основе элативных словоформ. Изменение языковых единиц, используемых для выражения делиберативных, как и иных отношений, не может сразу привести к утрате более раннего средства; стадия функционирования дублетных средств и постепенная замена конкурирующих единиц являются необходимым и естественным состояниями языковой системы.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки: кз. – коми-зырянский, кп. – коми-пермяцкий, удм. – удмуртский.

Наречия и диалекты коми-языка: вв. – верхневычегодский, вс. верхнесысольский, вым. – вымский, иж. – ижемский, лл. – лузско-летский, кя. – коми-язьвинское, нв. – нижневычегодский, скр. – присыктывкарский, сс. – среднесысольский, уд. – удорский.

Говоры коми языка: л. – летский, луз. – лузский, Гл. – с. Глогово, Об. – с. Объячево, Он. – с. Онежье, Пор. – д. Поруб.

Говоры удмуртского языка: сч. – среднечепецкие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М., 2000. – 502 с.
2. Некрасова Г. А. Вежлӧг перым кыввясын : форма, вежӧртас, артманног / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2004. – 118 с.
3. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / Р. М. Баталова. – М., 1975. – 252 с.
4. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии / В. К. Кельмаков. – Ижевск, 1998. – 386 с.
5. Rédei K. Die Postpositionen im Sytjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen / K. Rédei. – Budapest, 1962. – 224 S.
6. Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми-языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – М., 1970. – 386 с.
7. Удмуртский фольклор. Пословицы. Афоризмы. Поговорки / сост. Т. Г. Перевозчикова. – Устинов, 1987. – 276 с.
8. Перевозицков П. Н. Глагольные словосочетания / П. Н. Перевозицков // Словосочетания в удмуртском языке / под ред. В. М. Вахрушева и Р. И. Яшиной. – Ижевск, 1980. – С. 38–129.
9. Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект / В. И. Лыткин. – М., 1961. – 228 с.
10. Сахарова М. А. Ижемский диалект коми-языка / М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. – Сыктывкар, 1976. – 288 с.
11. Сорвачева В. А. Удорский диалект коми-языка / В. А. Сорвачева, Л. М. Безносикова. – М., 1990. – 283 с.
12. Fokos-Fuchs D. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von V. Munkácsi / D. Fokos-Fuchs. – Helsinki, 1952 (SUS 102). – 715 S.
13. Жилина Т. И. Вымский диалект коми-языка / Т. И. Жилина. – Сыктывкар, 1998. – 439 с.
14. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / под ред. В. А. Сорвачевой. – Сыктывкар, 1961. – 490 с.
15. Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка : образцы текстов / Л. Л. Карпова. – Ижевск, 2005. – 581 с.
16. Юшков Г. Чугра : роман / Г. Юшков. – Сыктывкар, 1981. – 416 лб.
17. Учебник русского языка для вотяковъ Елабужскаго уезда / составил инспектор народных училищъ Елабужскаго уезда Владиславъ Ислентьевъ. – Елабуга, 1889. – 136 с.
18. Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми-языка / Т. И. Жилина. – М., 1985. – 272 с.
19. Гуляев Е. С. Происхождение падежей с элементом *сь* в коми-языке / Е. С. Гуляев // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1960. – Вып. 5. – С. 131–160.
20. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / ред. кол. : В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редей, Я. Гуя, А. П. Феоктистов, Г. И. Ермушкин. – М., 1974. – 484 с.
21. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / ред. кол. : В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редей, Я. Гуя, А. П. Феоктистов, Г. И. Ермушкин. – М., 1976. – 464 с.
22. Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке / Г. М. Тужаров. – Йошкар-Ола, 1987. – 144 с.
23. Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка : объект и переходность / В. Б. Крысько. – М., 2006. – 486 с.
24. Hauzenberg A.-R. On the syntactic distribution of relative in komi and Estonian / A.-R. Hauzenberg // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. – Turku, 1981. – P. VI. – S. 377–382.
25. Некрасова Г. А. Система *l*-овых падежей в пермских языках. Происхождение и семантика / Г. А. Некрасова. – Сыктывкар, 2002. – 168 с.

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН

Некрасова Г. А., кандидат филологических наук,
доцент, старший научный сотрудник
E-mail: komilang@gmail.com

Institute of Language Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

Neckrasova G. A., Candidate of Sciences (Philology),
Senior Researcher
E-mail: komilang@gmail.com